Брошь с черным опалом

Автор:
Елена Дорош

Брошь с черным опалом

Елена Дорош

Агата Вечер живет тихо, как мышка, старается не высовываться из своей норки, по ночам работает уборщицей и уверяет себя, что когда-нибудь все наладится… если только она останется в живых. Убить Агату пытались уже не раз и не два. Кто, почему и за что? Непонятно. Помочь ей некому – она одна-одинешенька… Или нет? Может, на самом деле у нее есть родня и причина именно в этом?

Елена Дорош

Брошь с черным опалом

Мусина жизнь

У Муси была хорошая жизнь – с имуществом, едой и Большой. Имущество было богатым. Много ценных и замечательных вещей, но главное – собственное кресло. Мягкое, с подушечкой. А рядом на диване всегда сидела Большая. На Мусино кресло с подушечкой она не претендовала. Даже если с него удобнее было смотреть на яркую мигающую картинку, Большая в кресло ни за что не садилась. Понимала, что это место хозяйское. С едой вообще проблем не было никогда. Тут тебе и молочко, и рыбка, и сухие вкусные кусочки, и мяско с любимой подливкой – словом, не пересказать. Слюной захлебнешься. Но главный подарок судьбы – Большая. Она служила Мусе преданно и самозабвенно. И то и се, и приласкать, и почесать. И подушечку взбить. Стоило Мусе только мяукнуть,

как Большая тут как тут. Чего тебе, Мусенька-красавица, надо? Кстати, да. Муся еще и красавица. Большая ей каждый день говорила, но Муся и сама знала: прелесть ее удивительна и бесподобна! Вся черненькая и пушистенькая, а лапки и воротничок на шейке – белые. Вот какая!

Хорошая жизнь закончилась неожиданно и как-то так, что Муся ничего не поняла. Однажды утром она не нашла в своей тарелочке еды, пофыркала и пошла искать Большую. Та лежала на диване и готовить еду не собиралась. Муся сначала тихо, а потом все настойчивее стала требовать свое, но что она ни делала, Большая так и не встала. Потом по дому затопали какие-то чужие ноги, и Муся, чтобы не разозлиться окончательно, выскользнула на лестницу и сбежала вниз. Гулять Муся любила возле лавочки, на которой часто сиживала Большая. Непонятные и странные события утра немного напугали Мусю, поэтому подняться домой она решилась, только когда все затихло и ноги ушли. Сидя на коврике у двери, Муся долго просила Большую впустить ее. Но дверь так и не открылась. Это было неслыханно.

Ночь Муся провела на коврике, просыпаясь каждый раз, когда слышала шаги. Но это были чужие шаги. Большая не возвращалась.

Утром Муся еще долго звала под дверью. Дверь была родная и пахла восхитительно, за ней ждали любимое кресло, подушечка, тарелочка и другие чудесные вещи и запахи. Все находилось рядом, стоило лишь приоткрыть щелочку, но за дверью было тихо.

Муся не знала, что и думать. Куда подевалась Большая? Почему она не приходит служить, кормить и ухаживать? Муся злилась, фыркала, но постепенно ее существо заполнило другое, ранее не ведомое чувство. Оно было крайне неприятное. От него у Муси внутри все сжималось, а в животе становилось холодно и тоскливо.

Придавленная новыми ощущениями, Муся даже забыла на время, что голодна, но вечером ей все же пришлось отправиться на поиски пропитания. Стараясь не удаляться далеко, Муся побегала по округе. Найти еду было непросто, конкуренция была высока. Дважды Муся что-то находила, но ее прогоняли уличные коты. Муся не считала себя пугливой, но коты были такие страшные и злобные, что ничего не оставалось, как только пулей бежать и прятаться под спасительной скамеечкой у подъезда.

Вечером голодная Муся хотела вернуться на свой коврик, но входная дверь оказалась заперта. Ночь пришлось провести под лавкой. Было холодно, Муся дрожала, но не уходила, продолжая звать свою Большую. Она не могла поверить, что ее хорошая жизнь закончилась.

Много тоскливых дней и ночей провела Муся на улице. Становилось все холоднее, часто шел дождь. Землю усыпали разноцветные листья-шуршавчики, ветер шевелил их, они бежали по дорожкам, совсем как красивые бумажки, которые Большая привязывала к ниточке, и Муся ловила их, играя и резвясь.

Теперь было совсем не весело, но грязная и отощавшая от такой жизни Муся все-таки пыталась надеяться, что голод и тоска не навсегда. Не может быть, чтобы навсегда.

Довольно долго Муся училась находить еду. Даже пыталась ловить воробьев. Иногда это удавалось, но чаще приходилось довольствоваться объедками с помойки. Брезгливая Муся поначалу страдала, но все же хищник в ней постепенно пробуждался.

Хорошая жизнь отодвигалась все дальше, но цепкая память не отпускала. Несколько раз Мусе удавалось попасть в свой подъезд. Коврик был на месте. Дверь все так же закрыта. И все такое же холодное молчание за ней.

В один из неожиданно теплых дней Муся, выслеживая птицу, забралась по веткам на козырек своего подъезда. Наблюдая за добычей, она кралась по толстой трубе под окнами. Вдруг что-то словно толкнуло ее. Муся замерла. Нос втянул знакомый запах – сильный и совсем свежий. Муся перелезла на подоконник и заглянула в окно. Перед ней была ее комната. Там никого не было, но кресло все так же стояло у стены, и на нем лежала подушечка. Муся оторопела. Как могло случится, что ее дом так близко? Стекло было холодное. Муся понюхала его и осторожно поскреблась. Запах шел сверху. Муся пригляделась. Наверху в окне была дыра. Большая редко открывала окно, боялась сквозняков и воров, но сейчас вот она – возможность попасть домой, в свою полузабытую жизнь! Большая ждет внутри, поняла Муся. Напружинив тело, она вскочила в окно и спрыгнула на подоконник.

Все, буквально все было по-прежнему! Имущество цело. А еда? Муся бросилась на кухню к своей тарелке. Тарелка стояла на том же месте, полная молока!

Муся жадно пила, вздрагивая всем телом. Молока она не пробовала с того ужасного дня!

Вылизав блюдце, Муся поискала, нет ли чего-нибудь еще. Но больше ничего не было. И тут Муся почувствовала, как кто-то поднимает ее с пола. Большая? Нет! Чужой запах, другие руки!

– Попалась! – сказал незнакомый голос.

Муся замерла.

Беглянка

Всю дорогу до Питера Агата находилась в полуобморочном состоянии. Предполагалось, что без малого суток хватит, чтобы все продумать. Как ночью добраться до дома бабушки Наты, где Агата ни разу не была, раздобыть ключи, попасть в квартиру. Потом решить, что делать, потому как кто виноват, она знала и так. Вопрос, на что жить, тоже был весьма актуален, и подумать над ним опять же надо было в дороге.

Казалось, Агата весь путь напряженно раздумывала и что-то вроде придумала, но выяснилось, что мысли просто являлись перед ней в какой-то душной полудреме, потом исчезали, сменяясь другими, путаное сознание переключалось на воспоминания минувшего дня и как бешеное крутилось на месте вхолостую. Когда поезд втянулся на перрон, и Агата, старательно пересиливая боль во всем теле, вышла из вагона, стало понятно, что время потрачено бездарно. На автомате она дошла до площади Восстания и наконец просто застыла в ступоре на тротуаре.

Сознание включилось на десятой минуте великого стояния. Дальше Агата действовала быстро и, как ей казалось, довольно собранно. Таксист молча кивнул, ловко вырулил на Невский, уверенно и недолго покрутился по ночным улицам и остановился перед огромным каменным домом. Через арку Агата попала в маленький двор. Подъезд был закрыт.

В другое время Агата долго мялась бы, стесняясь будить людей ночью, но сейчас, издерганная и уставшая, мучаясь от боли во всем теле, решительно набрала на замке восьмерку. Пиликало так долго, что Агата начала впадать в отчаяние. Наконец хриплый голос спросил «кто?» и закашлял.

– Извините, пожалуйста, – проблеяла Агата, – я за ключом от пятнадцатой квартиры. Я Агата Вечер. Вам звонила бабушка Фая. Фаина Вечер.

– Кому вечер, а кому ночь давно, – просипел голос.

– Это фамилия. Мы родственники бабушки Наты. Я с поезда. Мне ключи нужны. Не пугайтесь, ради бога.

– По ночам звонят, а ты не пугайся! Заходи.

Дверь открылась.

На пороге восьмой квартиры стоял щуплый дедок в семейных трусах и фуфайке.

– Ты, что ли, добрый вечер?

Агата согласилась, что да, она – добрый вечер. Дедок прищурился и оглядел посетительницу с головы до ног.

– Держи ключи. Этот от подъезда, эти четыре от квартиры. Наталья воров боялась, дверь у нее запиралась, как Форт-Нокс.

– Спасибо большое, – кланяясь образованному дедку, Агата взяла увесистую связку.

– Ага, бывай, добрый вечер. А чего это ты стремная такая? – в спину ей просипел дедок, но Агата уже ковыляла вниз по лестнице, вдохновленная тем, что все получилось так гладко.

Дверь квартиры бабушки Наты на втором этаже соседнего углового подъезда оказалась закрытой всего на один замок. И тут ей повезло. Агата вошла и нащупала выключатель. Свет зажегся сразу в коридоре и на кухне. Агата

прошла в полутемную комнату и, стараясь не делать лишних движений, села на диван. Счастье. И диван нормальный. Все. Доехала.

Это была последняя внятная мысль. Через секунду путешественница спала сидя, уронив голову на спинку дивана.

Утром оказалось, что ночью она все-таки легла и даже чем-то укрылась.

Агата долго лежала, разглядывая комнату. Большая, с высокими потолками, тесно заставленная разномастной мебелью, она казалась темной. Агата с трудом закинула голову, чтобы рассмотреть окно. Шторы были задернуты. Значит, есть надежда на солнце. А это хорошо, когда хоть на что-то есть надежда. Худо, когда уже не надеешься ни на что, даже на то, что останешься жива. Но об этом думать было страшно.

– Я подумаю об этом завтра, – в лучших традициях классической литературы сказала себе Агата, повернулась к стене и снова провалилась в сон.

Вот она поднимается по фанерным, наспех сколоченным ступеням на пьедестал. Это Олимп. Площадка узкая и шаткая. Она стоит, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие. Надо играть хорошо, ведь она на сцене, все смотрят. Опозориться нельзя. Помост шатается, но Агата видит, что к ней на выручку уже спешит Олег. Он поднимается по ступеням и встает рядом. Агата вздыхает с облегчением и с улыбкой поворачивается к нему.

– Нааа, – рычит Олег, и в лицо ей летит крепкий кулак!

– На тебе, сука!

Голова откидывается вместе с телом, и она летит вниз!

Оп!

Агата резко села, пытаясь отдышаться. Комната немного покружилась у нее перед глазами и встала на место. Тело ломило немилосердно.

Где это она? Несколько секунд ушло на то, чтобы сориентироваться. Ну, ясно. Она в Питере на диване. А сколько, интересно, времени? Агата поискала глазами часы. Часы обнаружились на трюмо, но они стояли. Надо было включить телефон, но это было так страшно, что Агата долго не могла решиться. Телефон – источник опасности, как только он заработает, ее вычислят, найдут. ОН найдет и убьет ее. Новая симка была куплена на вокзале, старая сломана и выброшена, опасаться нечего, мама сходит с ума от неизвестности. Надо звонить.

Агата набрала номер и замерла от страха. Вдруг ОН уже там, и сейчас она услышит его вкрадчивый голос?

– Доню, сердце мое, ты где? – мама сразу заплакала.

– Мама, все хорошо. Я доехала. Уже в квартире. Все хорошо. Ты в порядке? Ничего не случилось?

– Ничего, доню, никто не приходил и не звонил. Чем тебе помочь?

– Мамочка, не волнуйся. Давай долго говорить не будем. Я отдышусь и наберу тебя. Телефон этот не записывай, запомни четыре последние цифры. Будешь знать, что это я. После звонка сразу удаляй.

– У тебя деньги есть хоть сколько?

– Хоть сколько есть, ну, а потом найду работу. Ты, главное, не паникуй.

– Агатушка, как же так вышло? – мама рыдала в голос.

– Мам, давай не будем. Я в безопасности. Сейчас главное, чтобы ты была в порядке. Отпуск можешь взять? Если что, за свой счет. Поезжай к сестре. Поживешь там, пока все не утрясется. Все, мам, целую. Жди звонка. Соберись, прошу тебя.

Агата торопливо нажала на красный кружок на экране и прижала телефон ко лбу. Что делать? Как пережить этот кошмар? Бедная, одинокая мама!

Так. Стоп, машина! Даже не думай разгоняться! Знаешь ведь, что сама во всем виновата, чего ж ты тут распричиталась, доню моя? Давай начинай собирать себя по кусочкам для новой жизни!

Продолжая практиковаться в искусстве самовнушения, Агата с трудом, но встала и занялась делами. Первым пунктом значился осмотр квартиры. И тут ее ждал сюрприз. Ни душа, ни ванны в квартире не оказалось. Обнаружился набор разновеликих тазов и раковина на кухне. Где же мы моемся? А у ставка! А зимой? Та шо той зимы! Бормоча себе под нос, Агата попыталась включить газовую колонку. Удалось не сразу, но чудом было уже то, что в квартире все работало. Свет горел, батареи грели, вода шла. И почти горячая.

– Ура капитану Смоллетту! – провозгласила Агата как герой мультика «Остров сокровищ». – Попробуем помыться.

Помыться удалось, но как-то не очень. То стоя, то приседая в большом тазу, синюшное местами тело очистить получилось, несмотря на боль, но вымыть волосы не представлялось возможным. Их было слишком много. Даже дома на голову уходила уйма времени и сил. Агата всегда бесилась и ругала почем зря бабушку Фаю, которая под страхом самоубийства заставляла растить этот бесполезный сноп. В конце концов – «в оконцовке», как говорила бабушка – под краном Агата сперва намылила голову, а затем частями промывала длинные пряди. Сушить волосы без фена пришлось долго, потом, кривясь и охая, убирать огромную лужу на полу.

Возя тряпкой по линолеуму, Агата нашла возле батареи блюдце и маленькую мисочку. В квартире жила кошка? Где же она?

Следы пребывания животного обнаружились по всей квартире. Кошка явно была здесь хозяйкой. В кресле у окна лежала большая вышитая подушка с явными следами кошачьих игр. Интересно, кто забрал бедняжку после смерти хозяйки? Спросить у соседей?

Соседей как таковых не оказалось. На площадке была еще только одна дверь, заляпанная краской и закрытая наглухо. От целого этажа осталась только однокомнатная квартира Наты, бабушкиной сестры. Что скрывалось за закрытой дверью? Еще одна питерская загадка. Ладно, разберемся позже.

Выйти из дома Агата смогла только к вечеру второго дня, когда боль слегка притупилась и стало ясно, что внутренности все-таки целы. Страшно хотелось есть, кроме того, ее одежонка мало подходила к местной погоде. Надо было купить хотя бы свитер и теплые брюки. Было холодно, но солнечно. Для Питера неплохо. Поковыляв по окрестным улицам, Агата выяснила, что поселилась в исторической части города, в принципе знакомой всем, кто бывал в Петербурге на экскурсии. Дворцовая площадь, Адмиралтейство, Исаакий были от места ее нынешнего обитания, что называется, в шаговой доступности. Шаверма нашлась за углом, одежда – в переходе метро, аптека – в доме напротив.

Ну что ж, пока справляемся, похоже. Сплюнем через левое плечо и попробуем поискать работу. Денег на самом деле почти не осталось.

С пакетом продуктов, запасом обезболивающего и пачкой газет Агата вернулась в квартиру, выпила две таблетки анальгина и стала искать работу. Какую же работу мы можем найти? По специальности отметается сразу. Если муж будет искать ее здесь, то геммолога найти несложно. Их не миллион. Кроме того, нет ни диплома, ни трудовой книжки, а без документов получить приличную работу невозможно. Да дело даже не в этом. Долго свободно и без опаски разгуливать она вряд ли сможет, кто-то увидит и узнает, поинтересуется у Олега, что делает его женушка в культурной столице. Ну а что будет потом, даже представить страшно. Работа должна стать ее убежищем. Спрятаться, чтобы не нашли. Мыть посуду в общепите, полы – в офисе. Уборщица приходит, когда сотрудники разошлись. Рано утром или поздно вечером. Пришла, помыла, ушла. Невидимка. Никому не интересная. Моль. То, что надо. Только не очень далеко от дома, чтобы не мелькать на улице или в транспорте. А волосы можно убирать под платок или купить такую шапку, чтобы прижимала ненавистные кудри к голове, и они не привлекали внимание.

Однако Питер не хотел впускать к себе непрошеную гостью, приблудную беглянку. Время шло. Деньги закончились, уже три дня Агата голодала. Хлеб и кипяток – вот до чего она докатилась. Найти хоть какую-нибудь работу в этом огромном городе оказалось нереально. Ниша посудомоек и уборщиц была прочно занята братьями и сестрами из Средней Азии. Газетные объявления часто оказывались пустышками. Агата, осторожно пробегая по тротуарам и поминутно оглядываясь, заходила в магазины, кафе, офисы и просто спрашивала, нет ли работы. Какой? Да любой. Извините, нет.

И все же подохнуть с голоду она не успела. В один из дней Агата зашла в старинный особняк, на котором было до десятка табличек с названиями офисов. Она уже научилась пробираться мимо охраны. Лифт не работал, пришлось обходить шесть этажей, взбираясь по крутым лестницам. В здании было очень тепло, Агата взмокла, голова под вязаной шапкой немилосердно чесалась. Результат блиц-опроса о наличии вакансий был плачевен. На последний этаж она вползла около шести вечера, когда люди начали расходиться. Агата решила сначала зайти в туалет и хоть на минуту снять шапку. В дамской комнате было прохладно, приятно пахло, даже играла музыка. Агата посмотрела на себя в зеркало. Худое угрюмое лицо в черной траурной шапке, да еще со следами синяков показалось ей таким страшным, что слезы хлынули неожиданно для нее самой. Агата сдернула шапку, наклонилась и стала остервенело чесать голову, давясь слезами. Пучок размотался, волосы свесились до пола.

– Боже мой, что это?

Крупная женщина смотрела на ее гриву, прижав руку к груди.

– Какие волосы необыкновенные! Какая красота!

Пипец! Сейчас предложит продать на шиньон. Да, впрочем, все равно. Агата подошла к раковине и стала молча умываться.

– Вам плохо? – не отставала дама.

– Нет. Извините, я сейчас уйду.

– Вы кого-то искали?

– Искала. Работу.

– Какую, если не секрет?

Дама стала мыть руки, продолжая открыто любоваться черными кудрями.

– Я ищу любую работу, которую смогу выполнять.

И тут неожиданно услышала:

– Убирать офис сможете?

Агата уставилась на даму, не веря своим ушам.

– Мы вчера уволили уборщицу. Запила некстати. Объявление дать не успели. Что скажете? Такая работа вам подойдет?

– Не то слово. Только у меня… трудовая книжка осталась в другом городе. Пришлют позже. Это преодолимо?

– Если ненадолго, то да. Возьмем на испытательный срок по договору.

– А сколько у вас испытывают уборщиц?

Женщина засмеялась.

– Два месяца. Успеете решить свои проблемы?

Знали бы вы, какие у меня проблемы.

– Конечно, – твердо сказала Агата.

На следующий день в шесть утра Агата вышла на работу в офис юридической компании.

Агата вечер

Вся жизнь Агаты – это бабушка и мама. Фаина и Маруся. Отца она не помнила. Правда, иногда в памяти всплывало красное пальто, которое надевает на нее маленькую какой-то мужчина. У него большие руки. Он поднимает Агату и смеется ей в лицо. Ты мой камушек драгоценный, тяжеленький! Иногда ей даже слышался густой голос, зовущий ее по имени, но воспоминания не складывались

в цельную картинку, образ оставался мутным и неопределенным. У мамы в кошельке была фотография. На ней двухлетняя Агата сидит у отца на коленях. Она таращит черные глаза в камеру. Отец наклонил голову, заглядывая маленькой дочери в лицо, его большие руки крепко держат ее.

Фотография ничего не проясняла, но другой не было. Отсутствие отца в их жизни мама объяснила коротко:

– Мы разошлись, и он уехал в другой город.

Ее лицо при этом становилось холодным и закрытым, а значит, дальше расспрашивать было нельзя. На том и остановились. Однако каждый раз, глядя в зеркало, Агата видела отцовские черты в своем облике. Она уже знала, что наполовину еврейка, и догадывалась, что глаза и нос унаследовала от отцовской родни. Украинка Маруся была типичной хохлушечкой: полненькая и круглолицая, вся такая сдобная и румяная с ямочками на щеках. Агата взяла от нее только голос. Марусино чудесное сопрано, когда-то пленившее известного геммолога, приехавшего консультировать местных специалистов, было самым ценным даром их дочери. Все остальное Агата считала неудачным.

Уже взрослой внучке бабушка сказала как-то, что на отца она тоже не очень похожа. Только черные кудри, которые Агате не разрешалось подстригать, все же были отцовские. Возможно, волосы были в самом деле хороши, но всю жизнь они досаждали своей хозяйке до такой степени, что избавление от этой копны всегда было самым горячим желанием.

Голос прорезался у Агаты довольно рано, быстро окреп и без всяких музыкальных школ звучал как хорошо поставленный. Начиналось все с напевных украинских песен с мамой на два голоса, но когда дочь начала щелкать как орехи оперные партии, Маруся решила, что быть Агате певицей.

Сперва были разговоры, потом уговоры, а закончилось все тем, что Агата стала геммологом. Как мама. Ждать славы оперной дивы долго и накладно, а кормиться надо было здесь и сейчас. Жили три женщины трудно. Помощи от отца не поступало. То ли он не желал, то ли мама отказывалась. Думать об этом было недосуг. Агата училась прилично, и после института ее без проблем взяли на ювелирный завод.

Жизнь текла своим чередом, перспективы виделись тоже вполне определенно. Найти мужа и нарожать детей не годилось. Джентльменский набор провинциальной девочки Агату не прельщал. Стать крутым первоклассным специалистом, много зарабатывать, ни от кого не зависеть. Это да.

Все изменилось на раз. Однокурсница родом из Ялты пригласила Агату к себе на каникулы. Только дурак мог отказаться от такого предложения. Агата с восторгом погрузилась в курортную жизнь. Море, пляж, ночная набережная, молодежные тусовки с пивом и жареной барабулей. Однажды вечером они познакомились с ребятами из Магарачского колледжа. Энологи впечатлили любознательную Агату. Они часами рассказывали о вине, его истории и особенностях, водили девчонок на закрытые дегустации, где в бокалы наливали не сладкую бурду, как туристам на массандровских презентациях, а настоящее выдержанное марочное и еще бог знает какое чудесное вино.

Так в жизнь Агаты вошел Олег, самый интересный собеседник, самый большой знаток, самый обаятельный, а очень скоро и вообще самый-самый.

Агату он не замечал. Она была довольно закомплексована, в компании не выделялась, пупок зря не оголяла, волосы вообще убирала под летнюю соломенную шляпу.

Но однажды все изменилось. Студенты репетировали спектакль, и Агата с девчонками, которых набралось человек пять-шесть, ходили на репетиции. Спектакль был в стиле греческих трагедий, но с сатирическим подтекстом.

В конце представления на сцене появлялся Олимп, на него поднимались Дионис и богиня. Звучала торжественная песнь, прославляющая виноделие, прекрасная небожительница наливала богам и людям вино из кувшина.

Агате нравился спектакль, но еще больше – Олег, играющий роль Аполлона – рассказчика эпической истории. Он был очень хорош! Ему шли туника и парик с золотыми кудрями, и играл Олег выразительно, обращая на себя внимание.

После спектакля предполагалась вечеринка.

За два часа до представления выяснилось, что девушка, исполнявшая роль богини, заболела. Роль была невелика, поэтому решили найти замену. Режиссер,

высокий лысый дядька, стал рассматривать девушек, пришедших поболеть за актеров. Выбрав трех прелестниц, дядька отправился с ними в аудиторию проверять актерские и музыкальные способности соискательниц. Последней к режиссеру подошла Агата в соломенной шляпе.

– Гимн спеть сможешь? Пой! И шляпу сними!

Через час в белой тунике Агата взошла на Олимп.

Потом она часто вспоминала свою первую минуту славы. Как замолк зал, когда она поднялась на свой пьедестал, какие лица были у зрителей, когда она запела, и главное – какие глаза были у Олега. После спектакля он подошел к Агате и сказал:

– Богиня, я твой!

Потом все закрутилось, как в центрифуге. Через три месяца, не приходя в сознание, они поженились.

Вспоминая потом их совместную жизнь, Агата не могла понять, почему все хорошее и замечательное вдруг превратилось в плохое и страшное. Или это случилось не вдруг?

Больше года после переезда к Агате, Олег не мог найти работу, ведь он хотел трудиться по специальности. Но там, где не растет виноградная лоза, виноделы не нужны. Агата не упрекала, не требовала. Просто работала больше обычного и все время думала, как помочь мужу. Наконец Олегу надоело собственное безденежье, и он пошел работать в такси. Агате стало полегче, но крутить баранку – совсем не то, что было нужно Олегу. Он страдал. Иногда бывал грубым.

А потом в городе открылся новый ресторан, хозяин которого решил создать заведение европейского уровня. Потребовался хороший сомелье. Олег получил работу. Достойную. Интересную. По крайней мере, так думала Агата, ожидая, что теперь-то они заживут той жизнью, о которой мечтали.

Почему же этого не случилось?

Новая жизнь и старая боль

Работа уборщицы оказалась не такой простой, как ей казалось. Первое время она уставала ужасно. Офис занимал один этаж, площадь была небольшая, но Агата слишком уж старалась. Не убирала, а буквально вылизывала помещения. Надо было понравиться, чтобы не выгнали.

Через неделю стало полегче. То ли привыкла, то ли наконец вычистила все углы, исправила косяки своей предшественницы. Сначала Агата приходила рано утром, но затем перешла на вечерний вариант. Офис работал до шести. Агата появлялась в семь. К этому времени уходили даже самые старательные. Торопиться, чтобы успеть к началу рабочего дня, незачем. Темно и тихо. Остывают компьютеры. За окнами сияет Невский. Агата не спеша наводила порядок. Можно было даже попеть. После работы она с наслаждением мылась в душе. Обнаружив, что в офисе есть душевая комната, Агата была несказанно счастлива. Это было больше, чем она ожидала.

Еще один плюс – не надо запихивать волосы под шапку. Никто ее не видит. Некого и бояться.

Ей даже выдали небольшой аванс. Ну как небольшой? Кому небольшой, а кому спасение от голодной смерти. У мамы денег просить было нельзя ни в коем случае, иначе сразу стало бы ясно, что дела плохи. Агата радовалась возможности нормально питаться. Она даже сделала одну штуку: стала ставить на подоконник блюдце и наливать в него молоко. Форточку держала открытой.

Агата ждала. Молоко менялось каждый день.

И вот однажды она услышала, как кто-то мягко спрыгнул на подоконник. Подкравшись, Агата заглянула в кухню. Небольшая черная кошечка лакала молоко, дергая ушами и хвостом.

Агата ловко схватила долгожданную гостью поперек живота.

– Попалась!

Кошка не сопротивлялась, позволила отнести себя в комнату. Агата хотела посадить ее на колени и хорошенько рассмотреть, но кошка мягко перепрыгнула в кресло и улеглась на подушку.

– Так, значит, вот кто тут хозяйка. Отлично. Нашего полку прибыло. Осталось познакомиться. Как же тебя зовут?

Кошка смотрела на Агату и молчала, только уши шевелились, прислушиваясь к голосу. Догадайся, мол, сама.

Агата разглядывала новую подругу. Кошка хоть и небольшая, но взрослая. Лапки беленькие и на шее словно белый воротничок. Симпатичная умная мордашка.

– Ничего. Не все сразу. Главное, ты вернулась домой. Хотела бы и я сделать то же самое.

Муся слушала, слушала, да и заснула. Дома.

Три дня Агата просто кыскыскала. Проблема кошачьего имени решилась неожиданно. Агата решила выбросить отрывной календарь, валявшийся без дела на комоде. Пролистала странички – вдруг вывалится что-то важное. На одном листке прочла: «Купить корм Мусе».

– Муся, Муся! – позвала Агата. Кошка нарисовалась в проеме.

Вот и познакомились.

Появление Муси принесло Агате некоторое успокоение. Женщина с кошкой. Нет, не так. Женщина и кошка – уже небольшая семья. Они живут вместе, едят, общаются, согревают друг друга. Муся встречает Агату с работы. Иногда провожает. Намечаются даже некоторые чувства. По крайней мере, с Агатиной стороны. Что ни говори, ячейка общества налицо.

Если бы ночью перестали сниться кошмары…

Олег боготворил ее волосы. Не позволял самой их расчесывать, потому что она выдергивала слишком много. Усаживал жену на стул перед телевизором и

бережно, прядь за прядью… Агата успевала вздремнуть, пока длилось это камлание…

Как он волок ее за волосы по квартире, намотав пряди на кулак! Как привязал за волосы к стулу и бил, бил, бил!

Агата просыпалась от собственного крика. Муся тоже подскакивала на своей подушке и убегала на кухню. Боялась новой родственницы.

День приносил заботы и давал время успокоиться. В квартире Агата чувствовала себя в безопасности. Ну, почти. Особенно, если выходить из дома как можно реже.

– Ничего, Муся, изба у нас крепкая, волкам не добиться. А Серебряное Копытце мы все равно не проглядим. Увидим обязательно. Потерпеть надо.

Зато на работу можно было ходить без опаски. Темнело рано. Приближался декабрь. Агата выбирала не самый короткий, но наиболее безопасный путь – дворами. Шмыг, шмыг, потом юркнуть в дверь и быстренько на лифте на шестой этаж. Обратно тем же макаром. А дома Муся, телевизор и раз в неделю психотерапевтический звонок маме.

Поздняя осень в Питере – это что-то. Ветрище и холодища! Одежонку пришлось прикупить потеплее. Агата ходила в длинной дубленке с капюшоном. В темноте лица не разглядишь, а значит и не узнаешь. То, что надо.

Агате казалось, что она почти не страдает, просто пока страх не прошел. Страдала мама. Разрушенная жизнь дочери, ее бегство и неприкаянная жизнь в чужом городе терзали Марусино сердце. Самой ей тоже приходилось опасаться. Олег ни за что не откажется от Агаты. Пока жив, не перестанет ее искать. Единственная ниточка, ведущая к Агате – ее мать. Сколько было возможно, Маруся побыла у сестры. Потом пришлось вернуться и жить в постоянном страхе. Подстеречь ее у дома ничего не стоит. Пытать и бить Олег уже наловчился с Агатой. Маруся боялась, плакала и ждала звонка от дочери.

Голос Агаты звучал бодро и успокаивал. Пересказав события недели, она переходила к повествованию о Мусе, ее хитростях и смешных королевских замашках, о том, чем кошку лучше кормить зимой, чтобы не мерзла, и всяких

милых женскому сердцу мелочах. Например, чем лучше чистить ковролин, как оттереть пятна от кофе с велюрового дивана, каким шампунем мыть голову, чтобы волосы не электризовались под шапкой. Всю неделю Агата придумывала темы, чтобы не дать матери свернуть на кривую дорожку рассуждений о загубленной судьбе дочери и начать плакать. К концу разговора голос Маруси переставал дрожать. Дав матери наказы быть осторожнее, Агата заканчивала терапию бодрой фразой «мамуля, не печалься, прорвемся!» и отключалась.

А ночью ей опять снился Олег.

Она не поняла, когда муж начал принимать наркотики. Его настроение всегда было переменчивым, он легко впадал в депрессию, так же быстро и внезапно выходил из нее. По десять раз на дню психовал из-за всего на свете: дебильных клиентов в ресторане, кретина-директора, который вместо нормального бордо привез суррогат, дурацкого выключателя в ванной. Кстати, почему выключатель, а не включатель? Какой урод придумал, не знаешь?

Агата считала мужа слишком впечатлительным, старалась потушить вспышки бешенства, когда лаской, когда шуткой, не обращала внимания на всякие мелочи и просто любила.

Она даже считала, что очень счастлива. Пока не нашла закатившийся под ванну шприц. До нее дошло не сразу: потащилась спрашивать, откуда шприц.

Она пряталась от мужа три дня. Не у мамы, конечно. Потом Олег нашел ее. Стоял на коленях. Целовал синяки на руках и разбитую губу. Потом отвез домой и бурным сексом завершил процесс примирения.

Агата не была совсем наивной. Она сразу поняла, что это лишь начало и дальше будет только хуже. Но уходить было некуда. По крайней мере сразу.

Агата стала лихорадочно искать варианты спасения. Идею попробовать спасти мужа, вылечить, удержать на краю – отмела сразу. Куда заводят женщин всепрощение и жертвенность, ей давно было известно из мировой литературы и кинематографа. Ударил раз, ударит и второй. Надо уходить как можно быстрее. К черту любовь и жалость! Вопрос в том, сколько у нее времени. Возможно, немало. Олег был ласков, смотрел виновато и преданно. Выносил мусор и мыл посуду, каждый вечер пылко уверял в своей любви, целовал страстно и нежно.

По его словам выходило, что наркотики – это случайность, которая больше не повторится.

Агата старательно делала вид, что верит мужу, но видимо получалось у нее неубедительно. Насчет времени она тоже ошибалась. Оказалось, его не осталось.

Обычно в субботу Олег приходил с работы особенно поздно, за полночь. Что поделаешь, главный выходной. В ресторане много отдыхающих от трудовой недели господ, ценящих не разливное пиво, а марочное вино из лучших хозяйств Европы. Но в этот раз муж вернулся непривычно рано. Агата насторожилась, однако Олег сразу лег и попросил градусник и нурофен. Лекарства хранились в коробке из-под обуви в шкафу на кухне. Агата вела активные поиски блистера с красными прозрачными таблетками, когда Олег неожиданно обнял ее сзади и прижался к спине.

– Ты хочешь меня бросить? – вкрадчивым мягким голосом спросил он.

– С ума сошел? Нет, конечно!

Видимо, слишком быстро ответила.

Дальше был ад. Таких изощренных издевательств Агата представить себе не могла. И не знала, что бывает такая боль. Сначала она пыталась еще что-то говорить, просить, умолять остановиться, но от увещеваний Олег, казалось, зверел еще больше. Держать жертву привязанной уже было неинтересно. Оторвав Агату от стула, муж швырнул ее на пол и стал убивать.

Даже через много лет Агата так и не смогла вспомнить, как она сообразила схватить осколок разбитой вазы.

Олег закричал тонким голосом и закрыл лицо руками.

В невменяемом состоянии Агата как-то выбралась из дома, пешком, почти не соображая, дошла до вокзала. Все планы спасения рухнули. Сейчас можно было только предупредить Марусю, чтобы никому не открывала, никуда не ходила и ждала звонка дочери.

Чудом было то, что на ней оказалась куртка. Наверное, схватила на автомате. В кармане лежали и паспорт, и банковская карта. На билет в Петербург денег хватило. Агата всю ночь просидела на вокзале, забившись в самый темный угол зала ожидания, мучаясь от боли и пытаясь осмыслить все произошедшее. Ничего не получалось. Сознание не слушалось. Казалось даже, что время от времени она впадала в обморочное состояние, потом очухивалась, вздрагивая то ли от боли, то ли от страха, судорожно оглядывалась и опять сжималась на жестком сиденье.

Позвонить матери ночью она не смогла. Представила ужас, который та испытает, и решила набрать ее мобильный номер хотя бы после пяти. Перед самым отправлением поезда. Прямо сейчас зять к ней не прибежит, значит, стоит повременить. Утром будет не так страшно. Эту здравую мысль Агата старалась не терять из виду всю ночь.

И еще одно она понимала, даже находясь в бреду. Серьезно ранить Олега она не могла. Его крик стоял в ушах, но Агата была уверена: скоро мучитель придет в себя. Порез зарастет, и муж – или уже не муж, а враг – начнет искать ее. Олег не из тех, кто отказывается от своего. Агата была его женщиной, его трофеем. Настоящий охотник не откажется от трофея никогда, и ему не надоест преследовать добычу. Чтобы настичь и убить, а потом набить тушку поролоном и прибить к стене.

Так стоит ли бежать, если охота уже началась?

О жилье в Питере Олег не знал. После смерти Наты, бабушкиной сестры, квартира принадлежала ее сыну, проживающему на ПМЖ в Канаде. Возиться с наследством тому было недосуг, и он предложил дальним родственницам наведываться в Питер, когда захотят, а заодно и присматривать за жильем, пока суд да дело.

Маме позвонила в половине шестого. Маруся от шока впала в транс и смогла только сказать, что Олег не появлялся.

Агата села в поезд и уехала.

И вот теперь у нее новая жизнь. Только боль старая. Не уходит. Не отпускает.

Было уже почти одиннадцать, а она не закончила уборку. Вроде все, как обычно, но работалось с трудом. Может, она заболевает? Да вроде нет. Все болезни начинались у нее с промокших или замерзших ног. В Питере приходилось быть особенно внимательной. При таком климате простуда – дело обычное. Но ей разболеться нельзя никак. На помощь никто не придет, поэтому надо держаться.

Размышляя над причинами своего состояния, Агата решила, что для бодрости духа можно немножко, в полголоса, попеть. Она уже открыла рот, как вдруг послышался явственный шум. Сразу насторожившись, даже уши встали торчком, как у Муси, Агата выглянула в коридор.

Из кабинета начальника, который она убирала всегда последним, вдруг вышел мужчина в черном пальто и стремительно пошел к выходу. Высокий. Худой. Агата никогда не видела директора «живьем», но почему-то сразу узнала. Марк Андреевич Стельмах. Она протерла ручку двери. Как правильно его называть? Глава компании? Или, может, голова фирмы? Она прошла в кабинет. Раз есть голова, то есть и попа. И, похоже, эта попа как раз она, уборщица. Нет, она – хвост конторы! Который все подметает. Агата хохотнула, достала из-под стола начальника корзинку и вытряхнула мусор в мешок. Сейчас модно ставить на рабочий стол фотографии жены и детишек. На этом столе не было никаких фотографий, безделушек от Сваровски и прочих красот. Компьютер, бумаги. Ничего лишнего. Она протерла поверхность. Алла Петровна отзывалась о директоре хорошо. По ее словам выходило, что Марк Андреевич – подарок для подчиненных. В меру строг, в меру лоялен. Лично для нее, Аллы Петровны, сделал немало хорошего. Вроде бы помог отцу вырвать квартиру из лап «черных риелторов». И маму то ли в больницу устроил, то ли в санаторий. Просто загляденье, а не голова!

Агата втащила пылесос и нажала на педаль. Агрегат взревел. Какое, собственно, ей дело до начальника, с головой или без?

Ей бы со своей головушкой разобраться.

Агата распрямилась, перевела дух и тихонько запела каватину Розины из «Севильского цирюльника». Душа нуждалась в чем-нибудь вдохновляющем!

Но задевать себя я не позволю, и будет все, как я хочу.

Ни перед чем я не оробею, поставлю я все на своем.

Сто разных хитростей и непременно поставлю я все на своем.

Да, все поставлю я на своем!

Этакую уверенность да самой Агате!

Марк Стельмах

В восьмом классе Марк спросил деда, кто в их семье воевал на фронте во время Великой Отечественной войны.

– Никто, – кратко ответил дед.

А потом рассказал Марку, что в сорок первом году его прадед отбывал наказание в Севдвинлаге, где строил железную дорогу от Коноши до Котласа. Лагерь располагался в деревне Синега. Там Арсений Благовещенский и оттрубил девять лет. Арестовали его в Ленинграде, где старинный дворянский род Благовещенских, занесенный в Родословную книгу Дворянского депутатского собрания Санкт-Петербургской губернии, подвизался испокон веков. Со стандартной формулировкой «враг народа» Арсений был отправлен по этапу в декабре сорокового. По дороге обморозился и чуть не помер, но по молодости пережил и это. После жил на поселении в Вельске, а в пятьдесят шестом был восстановлен в правах. В Ленинград Арсений больше не вернулся. Имение и два доходных дома Благовещенских давно канули в Лету, родню разметало, многие поменяли внушающую подозрение фамилию на рабоче-крестьянские. Куда и к кому ехать, Арсений не знал. Женился прадед поздно и тоже взял фамилию жены – Стельмах. Эта хоть и звучала по-немецки, была вполне пролетарской и означала «тележных дел мастер». Всю любовь бывший каторжанин вложил в сына Петра. О таком образовании, которое получил дед, в Вельске и не слыхали. Кроме того, что мальчик преуспевал во всех школьных предметах, он знал три языка, увлекался астрономией, изучал историю искусства, писал стихи. С такими талантами Петру самое место было в столицах, но Арсений, до конца не веривший в то, что кошмар репрессий не вернется, держал сына при себе.

Только после смерти отца Петр уехал из Вельска, но не далеко. Он осел в Архангельске. Там женился на библиотекарше Зое, там родилась Светлана, единственная дочь.

Всю жизнь дед проработал учителем. Про свое происхождение не распространялся. Даже жена знала о нем немного. Дочь он обожал так же, как когда-то Арсений его самого. Но Светлане его любовь была ни к чему, ей нужны были удовольствия и свобода. В пятнадцать она сбежала с дембелем из воинской части, рядом с которой жили Стельмахи. И понеслось!

Сначала родители знали о ее перемещениях, но потом Светлана просто исчезла с радаров. От переживаний Зоя заболела раком. Умирала тяжело. Петр не отходил от постели жены до конца, после похорон долго не мог успокоиться, потом начал искать дочь.

Нашлась Светлана через год. Петр приехал в Вологду, где обнаружились следы беглянки, разыскал убогий барак, в котором дочь обитала вместе с очередным сожителем. В провонявшей кошками и перегаром комнатенке за столом, заставленным грязными тарелками, спала его Светланушка, откинув испитое неузнаваемое лицо, и храпела. Рядом на диване дрых мужик с жутким синюшным лицом.

Петр долго стоял посреди комнаты. Потом повернулся, чтобы уйти и никогда не возвращаться. И тут в сваленной на кресле куче тряпья кто-то завозился. Петр решил, что это кошка, но из кучи вылез ребенок, по виду годовалый. Ребенок посмотрел на Петра круглыми синими глазами и протянул ему замусоленный кусочек хлеба, который держал в руке.

Домой Петр вернулся дедом.

Он никогда не рассказывал Марку, как отвоевал право воспитывать внука.

Светлана исчезла из их жизни навсегда.

Марк никогда не чувствовал себя обделенным, несмотря на то, что жил всегда только с дедом. Наверно потому, что Петр любил его за всех.

Школу Марк закончил в шестнадцать, потому что пошел сразу во второй класс. Во втором классе ему тоже особо делать было нечего, но на большее директор не отважилась. Да и как учиться с ребятами на два года старше? Заклюют. Марк долго был низкорослым и худым, но в последний школьный год вдруг пошел в рост, вытянулся и оказался очень похожим на Арсения Благовещенского. Та же породистая стать, те же ярко-синие глаза. Петр иногда засматривался на парня, не мог глаз отвести, так он напоминал прадеда.

Когда пришло время решать, кем быть, Марк долго не мог выбрать профессию. Ему нравилось все. В результате выбор огорошил Петра. Друг Лёнчик ехал в Питер учиться на юридическом и сманил Марка. Важно не то, что на юридическом, а то, что в Питер.

Сказано – сделано. Друг Лёнчик провалился и отправился прямиком в Школу милиции, а Марк легко поступил на факультет международного права.

Итак, круг замкнулся. В Петербург вернулся блудный сын.

Ева

Время шло. Марк учился на третьем курсе и уже вполне освоился в культурной столице.

Еву он увидел на показе в Доме моды. Марк был далек от фешен-индустрии, как тыква от балета. Анемичные модели, с застывшими лицами дефилирующие по подиуму, казались одинаковыми. И тут в самом конце вышла она. Да. Это было тело! Прямо Тело с большой буквы! Ни намека на костлявость, мягкие линии, идеальные пропорции. Зал замер. С едва заметной улыбкой, глядя поверх голов, она дошла до края площадки, постояла, медленно обвела глазами зрителей, вдруг резко повернулась и быстро ушла. Все мужчины аплодировали стоя. Девушка рядом с Марком прошипела подруге:

– Что позволяет себе эта сука! Тут вообще-то показ мод, а не презентация валютных проституток!

Марк был ошарашен. Оглушен. Потрясен. И это еще мягко сказано. Эта женщина стояла у него перед глазами и днем и ночью. Стала наваждением. Полгода Марк искал возможность познакомиться, но попасть на ее орбиту было непросто. Где супермодель и где никому не известный студент.

Борис Жовнер, приятель по университету, сказал однажды, что видел Еву в ресторане «Астория». Марк стал ходить в этот ресторан, но всех его денег хватило на три раза. Тогда он попросту стал слоняться у «Астории» по вечерам в глупой щенячьей надежде увидеть предмет своей страсти. Но Ева больше не появилась.

Свежей идеей стало – встречать Богиню у Дома моды.

Девушки, которые участвовали в показах такого уровня, домой не уходили и даже не уезжали. Их увозили. Конечно, Ева никогда не выходила одна. Мужчины, сопровождавшие ее, выглядели настоящими хозяевами жизни. Марк не мог определить ни марки машин, ни стоимость часов на их запястьях, но и так было понятно, что только такие мужчины имеют право прикасаться к Богине, обнимать, обладать ею. Отступая в тень у подножья лестницы, по которой спускалась она под руку с господином в дорогом пиджаке, Марк все понимал. Но это ровным счетом ничего не меняло. И он опять приходил к Дому моды, чтобы хоть на минуту увидеть любимую.

Только однажды Богиня приехала одна. Такси остановилось, Ева вышла и стала быстро подниматься по лестнице. Она куталась в воротник и не поднимала лица, но Марк все равно заметил бледные щеки и заплаканные глаза. Забыв обо всем, он шагнул к ней. Обнять, утешить, защитить.

Ева вскинула глаза и посмотрела даже не мимо, а сквозь него, словно на пустое место.

Этот взгляд приморозил его к ступеньке. Ева торопливо подбежала к двери и исчезла. А он остался стоять.

Чтобы как-то выжить, Марк взялся делать рефераты студентам младших курсов. Заработать получалось немного. На ресторанную жизнь в ожидании Евы накопить было трудновато, все-таки надо было есть, пить, покупать одежду. Поденщина измотала парня в конец, но безумная страсть все гнала и кружила

его в бессмысленном и бурном водовороте.

Однажды ночью, когда Марк корпел над курсовиком для очередной бестолочи, позвонил пьяный Борюсик и доложил, что неплохо сидит с парой милых девочек в ресторане «Штакеншнейдер», известном своим поистине имперским шиком.

– Рад за тебя, – пробормотал Марк, пытаясь понять, какого черта Борюсику надо.

– Прикинь, кто тут сидит за соседним столиком совсем один? – заплетающимся языком спросил прожигатель жизни.

– Наследный принц Саудовской Аравии? – предположил Марк.

– Твоя Ева, поц недоделанный!

Марк шел по Невскому к ресторану и абсолютно четко понимал, что идти туда не надо. Он шел, не чувствуя холода, хотя вышел из дома без пальто.

Швейцар распахнул перед ним дверь и вздернул косматые брежневские брови. Стараясь не видеть этих невыносимо презрительных бровей, Марк быстро буркнул «меня ждут» и протиснулся внутрь.

Ева действительно была одна. Это было так странно и удивительно, что Марк не смог удержаться. Когда он вошел, заиграла музыка. Обойдя поднявшегося навстречу Борюсика, он подошел к Богине.

Подошел и протянул руку.

– Разрешите пригласить вас на танец.

Она взглянула. Сначала высокомерно, через мгновение – удивленно. И поднялась.

На подиуме Ева смотрелась необычайно высокой, но оказалось, что она все же ниже его. Марк положил руку на ее талию. Она подняла глаза и улыбнулась. Только ему.

Все было настолько нереально, что Марку казалось – он смотрит кино про самого себя. Поэтому, когда после танца она пригласила его за свой столик, он воспринял это как должное. Ведь в фильмах всегда так и бывает.

Ева небрежно махнула рукой. Через секунду над ними склонился в позе ожидания лощеного вида официант, которому было приказано налить коньяку. Марк смотрел, как золотистая жидкость наполняет бокал, и словно во сне вспомнил, что денег у него только на автобусный билет.

Ева подняла свой бокал, выпила глоток и неожиданно встала.

– Проводите меня. За коньяк можете не переживать. У меня дома есть лучше, а ужин за счет заведения.

Она пошла не оборачиваясь, и он, словно продолжая смотреть фильм, пошел за ней, не понимая смысла того, что она только что сказала.

Несмотря на супермодельность, жила Ева в обычном доме. Она пригласила его пройти в комнату и исчезла.

Марк был совершенно потерян. Что он здесь делает? Что ему надо делать? Ева привела его к себе не просто так. Значит, сейчас все случится. Он постоял у окна, сел на диван. Вытер руки о джинсы. Может, вспотели? Глупо это будет выглядеть. Как подросток на первом свидании с влажными от страха ладошками.

Ева вошла неслышно и остановилась в дверях. Голая и прекрасная, она разглядывала Марка, наклонив голову и улыбаясь.

– Обожаю, когда ты делаешь круглые глаза. Пуговичные. Как у плюшевого мишки.

– У мишки черные.

– Черные пуговицы закончились. Остались небесно – голубые, такие наивные и глупые…

Она упала на него сверху. Ее великолепное тело закрыло Марка от всего мира, белые волосы, свесившись, заслонили собой вселенную.

Вспоминая потом первую ночь с Евой, Марк понял, что ключевыми в ее фразе о глазах были слова о плюшевом мишке. Она именно так его воспринимала – мягкой игрушкой. По закону обращения с игрушками и развивались их отношения. Поиграла и выбросила за ненадобностью. Надоела плюшевость.

В тот вечер он, как всегда, ждал Еву у входа. Она долго не появлялась, наконец вышла, опираясь на руку какого-то господина в светлом пальто. Не замечая никого, кроме Богини, Марк шагнул, воскресая после разлуки. Не останавливаясь, Ева вскинула глаза и посмотрела. Даже не мимо, а сквозь него, как тогда, полгода назад. И также, как тогда, он вмерз в плитку, которой была вымощена площадка перед входом в Дом моды.

Так долго и мучительно он шел к ней. А закончилось все в один миг. Словно на экране, Марк увидел, как Ева садится в блестящую черную машину, господин усаживается рядом, шофер закрывает дверцу и уезжает. В чистых стеклах отражается лестница и стоящий на ней человек. Маленький. Как насекомое.

Марк еще два года не мог вылезти из этой любви. Покончить с собой мысли не возникало, но пьянки до беспамятства, драку в подворотне с отмороженными братками, потом месяц в больничке, бешеные гонки по трассе на чужом байке – весь набор покинутого влюбленного пережить пришлось.

Неизвестно, кто настучал деду, скорее всего, Лёнчик, но старик вызвал Марка к себе. И все прекратилось.

В Питер Марк вернулся задумчивым, но вменяемым. Надо было писать диплом, начинать подыскивать работу и жилье. Жизнь понемногу возвращалась в свое русло. Амок закончился. Плюшевость исчезла тоже. Марк повзрослел.

Ниночка Корц

Работу в приличном юридическом агентстве он получил через четыре года, а еще через пять стал его руководителем. Сама компания принадлежала дяде того самого университетского приятеля – Бориса Жовнера. Наверное, бездетный дядя мечтал, чтобы контору возглавил племянник, но с Борюсиком этот номер пройти не мог. Сибарит и эпикуреец, Жовнер почти с радостью сбросил груз ответственности на друга и остался при нем, работая по мере сил и желания.

Марку нравились его работа, жизнь в Петербурге и даже одиночество, когда можно не спешить домой и знать, что никому ничего не должен. На земле у него был единственный родной человек – дед. И этого было достаточно.

Кайфа от свободы и одиночества хватило на пять лет. Разумеется, схимничеством тут и не пахло, девушки в его жизни случались и нередко. Но они появлялись всегда как-то невзначай и так же ненапряжно уходили в небытие. Марк уже было привык к этакой облегченности своего бытия, но тут в его жизни появилась Ниночка.

Он оформлял сделку для постоянного клиента Генриха Корца. Сделка была не то чтобы очень проблемной, но требовала от юриста осторожности и тщательности. Корц зашел в контору по делу и мимоходом похвалил работу молодого человека. Зашел не один, а с дочерью. Марк не разглядел ее тогда, собственно, просто не обратил внимания, но через три дня девушка позвонила. Ей нужна была консультация по вопросу долевого участия при покупке недвижимости и что-то там еще. Марк помог.

Через неделю Ниночка позвонила опять, на этот раз насчет проблем с разделом имущества у подруги. Марк помог снова. Еще через неделю Ниночка просто пригласила его на ужин в качестве благодарности. Все было яснее ясного, но Марк, продолжая проявлять удивительное тупоумие, и на этот раз никакой ответной активности не проявил. Если бы не Борюсик, игра в одни ворота могла продолжаться долго. Он назвал Марка сельским идиотом и популярно объяснил, что когда девушка сама приглашает тебя в ресторан, то ты по меньшей мере должен в ответ отвести ее сначала в театр, потом в еще более фешенебельный ресторан, а потом, проводив домой, напроситься на кофе. Марк так и сделал, только на кофе напрашиваться не стал. Ниночка сама предложила. Не сразу, а после третьего свидания. К тому времени сельский идиот уже понял, к чему все движется. Ниночка совсем не походила на его приходяще-уходящих подруг, это была женщина другого сорта. Поэтому с ней все должно быть не так, как раньше. Он вполне отдавал себе отчет, что за годы после Евы-разрушительницы

оброс комплексами и просто боится серьезных отношений. Но Ниночка нравилась ему. Она была умна, образованна, мила. От нее веяло спокойствием и какой-то мягко обволакивающей силой. Она приближалась к Марку все ближе, осторожно входя в его жизнь, принося с собой заботу, внимание, каких он никогда не получал от женщины.

Все случилось очень просто.

Они занимались любовью в ее небольшой милой квартирке, потом сидели на балкончике с видом на Фонтанку, пили вино и болтали. Марку казалось, что с его души словно смывается ржавчина. Все было просто замечательно. «Так и должно быть», – подумал он.

За полгода встреч с Евой он практически ничего о ней не узнал. Только один раз она громко крикнула в трубку:

– Идите к черту! Я никогда не вернусь в этот ваш Псков!

Наверное, если бы он стал расспрашивать, она что-то рассказала бы. Но он не расспрашивал. Мир, в котором жила Богиня, просто не предполагал каких-то задушевных разговоров, откровений и проникновений во «внутреннюю вселенную». Это был суровый мир с жесткими законами. Довольно скоро он осознал, что его желание стать нужным, близким, родным – наивный бред. Ева не просто сжилась с этим миром. Она стала его частью. Ей было комфортно в нем. Она не нуждалась в нежности. По большому счету она не нуждалась и в любви.

Нина охотно и интересно рассказывала о семье, особенно об отце. Марк узнал, как Генрих Корц создавал свою уникальную коллекцию, как в поездки по разным странам часто брал дочь, учил ее разбираться в драгоценных камнях и хотел, чтобы она тоже стала геммологом.

– А почему не стала?

– Это скучно.

Ниночка улыбнулась, и Марку показалось, что он ее прекрасно понимает. Мертвые камни и жизнь, древо которой, как сказал бессмертный Гете, «пышно зеленеет».

О матери она говорила всегда коротко. Видимо, не хотела бередить рану. И это тоже было объяснимо и понятно.

С Ниночкой все было иначе. Постепенно Ева стала забываться, образ ее стал расплывчатым и побледнел. Марк почувствовал себя свободным.

Через полгода они с Ниночкой поженились.

Благовещенские

Обретя, как ему казалось, твердую почву под ногами, Марк занялся наконец поисками следов рода Благовещенских на берегах Северной столицы.

В его распоряжении была могущественная всемирная паутина, и Марк не сомневался, что при определенной интенсивности поиска быстро узнает все, что хочет. Облом он осознал примерно через полгода. Информации было полно, но очень неравноценной и часто неоднозначной. Сайтов, пытающихся аккумулировать сведения по родословным русских фамилий и истории известных дворянских родов, нашлось немало, но скоро выяснилось, что авторы просто искали способ заработка, принимая заказы на поиск предков. Дальше хуже. Благовещенские – все-таки не самая редкая фамилия. И на берегах Невы тоже. Кто из них имеет отношение именно к его Благовещенским? Промаявшись почти год и накопив гору информационного мусора, Марк не то чтобы отчаялся, но подустал.

Все-таки таким специфическим поиском должны заниматься те, кто этому учился. Негоже, когда пироги печет сапожник. Эта здравая мысль, наконец осенившая разум Марка, привела бедолагу в один серьезный архив. Получить доступ к этому Клондайку информации оказалось так сложно, что пришлось подключать тяжелую артиллерию. Генрих Исаакович, пожав плечами в безупречном пиджаке, похлопотал, и перед враз оробевшим Марком разверзлись

двери хранилища памяти рода человеческого.

Около недели ушло на оформление заявки и заполнение всяческих форм. В конце концов Марк оказался лицом к лицу с девушкой средних лет со славной русой косой, перекинутой на грудь.

Девушка, назвавшись Александрой, смотрела приветливо и внимательно. Марк несколько приободрился.

– Вы ищете сведения о Благовещенских. А какая именно ветвь рода вас интересует?

Марк выложил все, что было ему известно. Александра слушала и что-то записывала в блокнот. Закончив, Марк взглянул на архивариуса, как он обозначил ее про себя, с надеждой. Поможет?

– Поможем, – словно услышав его вопрос, ответила она, – перечень документов будет готов через неделю.

Ровно через семь дней Марк получил список и подробную консультацию, как следует с ним работать.

– Вы знаете, – неожиданно услышал он, – у нас раньше работала одна Благовещенская. Год назад ушла. Тоже искала информацию о родственниках.

– А можно с ней как-нибудь связаться? Телефон не дадите?

– К сожалению, не могу. Вы сами ее найдете. Она в Ельцинской библиотеке сейчас работает. Только учтите, во-первых, Благовещенская она по мужу, во-вторых, возможно, ваши предки только однофамильцы. Ну а в-третьих, ее может в Питере не быть. Они с мужем часто уезжают.

На Сенатскую площадь он помчался в тот же день. Все же в библиотеку, хоть и Президентскую, попасть было проще. Он стал спрашивать, где найти Благовещенскую. По глупости Марк не догадался узнать в архиве ее имя.

Оказалось, зовут ее Ольгой Васильевной. Пожилая женщина с классической внешностью библиотекаря, как его представлял себе просвещенный ум Марка, смотрела заинтересованно и с любопытством.

Представившись, Марк снова выложил тот скудный запас информации, которым владел, и спросил:

– Вы что-нибудь об этих Благовещенских знаете?

Оказалось, женщина, сняв очки, внимательно его разглядывает.

– Знаю. И даже больше, чем вы надеялись. Дело в том, что мой муж, Александр Николаевич Благовещенский, приходится вашему прадеду Арсению Благовещенскому, как я понимаю, внучатым племянником.

У Марка непроизвольно открылся рот. Ольга Васильевна заулыбалась, довольная произведенным эффектом.

– Мой муж по образованию историк. Почти двадцать лет, как только это стало возможным, он восстанавливает родословное древо именно наших с вами Благовещенских.

Марк молчал, потрясенный степенью своей глупости. Какого хрена он столько времени прожигал жизнь в интернете?

– Я рада, что мы встретились. И именно сейчас. Дело в том, что муж задумал написать книгу. Его давнишней идеей было разыскать всех потомков. Так сказать, собрать семью, столь долго разобщенную. Что скажете?

– Даже не знаю, что сказать. Я просто обалдел. То есть, простите, обомлел.

Благовещенская весело засмеялась. Смех у нее был славный, звонкий и задорный.

– Не тушуйтесь. От своих внуков мы регулярно слышим и не такие неологизмы. Русский язык прекрасен во всех своих проявлениях. Так что балдейте на здоровье.

Марк почувствовал, что любит эту женщину.

– Могу я познакомиться с Александром Николаевичем?

– Надеюсь, что не только познакомиться. Но прямо сейчас он работает во Франции. Ищет сведения по тем из Благовещенских, которые иммигрировали в первую и вторую волны. Затем поедет в Канаду. Там тоже обнаружились следы. Так что полгода мы с вами его не увидим. Правда, потом мы уже вместе собирались поработать с архивами тех лагерей, где отбывали срок наши с вами предки. Арсений был не единственным репрессированным, как несложно догадаться. И тут нам может помочь ваш дедушка. Так что мы будем весьма признательны, если вы нас отрекомендуете. Я уже готовлю поездку. Это будет на следующий год.

– Так что же, выходит…

– Выходит, извините, то, что завтра же он свяжется с вами по скайпу. Или в любой системе для видеоконференций. Вы сможете?

– Конечно. Буду ждать сигнала.

– Я думаю, что некоторые сведения Александр сможет вам выслать на почту.

Марку хотелось расцеловать эту замечательную женщину. Ничего себе! Столько искать и столько найти! Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Они обменялись контактами, и счастливый Марк вывалился на улицу, чувствуя головокружение от успехов. Прямо по Ленину.

Благовещенские оказались прекрасными людьми. Реликтовыми, как сказал бы Генрих Исаакович. Их, в буквальном смысле, подвижничество, преданность своей цели, интеллигентность и бескорыстие впервые заставили Марка задуматься о том, что эти качества взращивались в его предках столетиями. Глядя на Ольгу и Александра Благовещенских, он понял, что значит иметь за спиной, так сказать, в анамнезе десятки поколений русских дворян. Его дед был точно таким же. Интересно, передались ли лучшие родовые черты ему самому? Что ж, вскрытие покажет.

Они общались в сети уже довольно долго, но увидеться все не удавалось. Благовещенские собирали материал для книги и в Петербурге бывали не так часто, как хотелось Марку. Впрочем, Александр Николаевич присылал интереснейшие материалы, а Ольга Васильевна иногда звонила. Понемногу Марк узнавал историю своего рода.

– Дом Благовещенских, в котором появился на свет ваш прадед, находился неподалеку от Исаакиевского собора, поэтому родители Арсения и он сам являлись прихожанами этого храма. Семья была очень верующая.

Благовещенская говорила неспешно и интересно. Марк заслушался.

– Они даже дружили с настоятелем, Леонидом Богоявленским. К сожалению, в двадцать втором он был арестован. Потом собор передали Главнауке и сделали антирелигиозным музеем с маятником Фуко, подвешенным под куполом. Вы его, конечно, уже не застали.

Ольга Васильевна хмыкнула и рассказала, что Арсения арестовали, когда он стоял возле маятника и молился.

– Исаакий был для Благовещенских словно центр вселенной. Там крестили, отпевали. Оттуда и забирали.

«Прошу тебя, храни меня, не дай пропасть в изгнании, собор с библейским именем – мой центр мироздания», – вдруг вспомнились Марку слова когда-то услышанной песни Розенбаума.

В этот день ноги сами принесли его на Исаакиевскую площадь. Он купил билет и вошел в собор. Стоя под куполом, поднял голову и долго смотрел вверх, пытаясь понять то, что понимал и во что верил его прадед, Арсений Благовещенский.

Тогда он обрел нечто важное. Место, связавшее его с родом Благовещенских. С тех пор Марк стал приходить и стоять в центре собора, под самым куполом. Там, в вышине, парил белый голубь. Марк смотрел, и ему казалось, что связующая нить становится крепче.

Блинное наслаждение

Питерский октябрь в этом году обещал быть теплым. И, как водится, обманул. На улице было холодновато и серо, но это не портило Борюсику настроение. Покончив с таким противным и нудным делом, как работа с документами строительного концерна, он вырулил из кабинета и собирался уже посвистеть, как вдруг из бокового коридорчика появилась женщина и, не заметив его, пошла к выходу.

Женщина была незнакомая, по крайней мере, со спины. Она шла неторопливо, неся в руке пальто, и Борюсик, тоже притормозив, залюбовался высокой шеей, узкой спиной, тонкой талией и плавными движениями бедер. Вдруг произошло неожиданное. Женщина подняла руку, что-то сделала с головой, и ей на спину хлынул целый поток волос, упал вниз и рассыпался блестящими черными завитками в районе колен. Это было так неожиданно и красиво, что Борюсик остановился, потом прибавил шагу, чтобы догнать ее, но когда выбежал на площадку, услышал только звук опускающегося лифта. Борюсик зачем-то повертел головой, хотя и так было понятно, что незнакомка укатила, достал сигарету из пачки и, закурив, стал спускаться по лестнице.

На следующий день он спросил Марка о женщине, но тот даже не предполагал, о ком может идти речь. Сотрудниц оба знали в лицо. На клиентку незнакомка была не похожа. Да и что ей делать в офисе в девять вечера?

– Откуда же она взялась?

– Черт ее знает. Чего ты так всполошился? Неужели так хороша?

– Я ее сзади видел.

– А вдруг спереди она орк?

– С таким задом все равно, какая она спереди. Ты бы видел! Богиня! Юдифь! Далила! А потом я всегда говорил, чтобы увидеть красоту Лейлы, надо смотреть на нее глазами Меджнуна!

– Уже чувствуешь себя Меджнуном?

– Таки да. А будешь стебаться, я тебя, поц недоделанный, укушу!

Об этом разговоре Марк забыл через три минуты.

Борюсика чудесное видение волновало чуть дольше. Для начала он поспрашивал сотрудников, однако безуспешно. К Алле Петровне тоже заглянул, но и тут его ждал «афронт»: на эту неделю у офисной феи был больничный. Борюсик приуныл, но ненадолго. Его двоюродная тетка, дама приятная во всех отношениях, решила посетить открытие выставки Рембранта в Эрмитаже. Пропустить такое развлекалово Борюсик не мог. Тетка, хоть и считала себя редкостной интеллектуалкой, была баба разбитная и всегда заканчивала общение с высоким искусством в пабе на Казанской. Кроме того, с теткой у Борюсика были общие секреты, по большей части, фривольные. На следующий же день он кинулся в пучину легкого и необременительного разврата. Образ Далилы померк в его сознании.

Агата не заметила идущего за ней Бориса Жовнера. Она даже не знала о его существовании. Агата спешила к себе и мечтала о том, чтобы лечь и вытянуть усталые ноги.

Дома она с наслаждением стащила с себя свитер и потянула вниз молнию на брюках. Последнее время одежда сидела на ней намного свободнее. Штаны так вообще можно было снимать, не расстегивая. Отворив дверцу шкафа, она посмотрела в зеркало. Да… Немного осталось привлекательного. Питерская жизнь обстругала-таки бока.

– Скучная картина! Тучи без конца, – продекламировала она детский стих, рассматривая свое отражение.

Картина уж точно – скучнее некуда. Даже грудь как-то скукожилась и стала казаться меньше. Про лицо и говорить нечего. Глаза словно провалились, и скулы стали острыми. Если и дальше так пойдет, то в случае чего можно будет прятаться за швабру. «Доска – два соска», – сказала бы бабушка Фая. Она худых терпеть не могла. Она просто не могла этого вынести. По ее словам, у нее сразу начиналась «сердечная дистрофия, нет, аритмия, тьфу, атрофия». Поэтому, когда она видела внучкины мосластые коленки, тут же начинала откармливать «бухенвальдску дитину», как рождественского поросенка. Иногда Агата даже сбегала от вареников, пирогов и пампушек, но Фая всегда ее находила и

усаживала за стол. Этот бабушкин стол, заставленный яствами, так и встал перед глазами. Агата сглотнула слюну.

– Надо держаться. Да, Муся?

Муся, двигавшаяся к своему блюдцу на кухне, подняла мордочку, посмотрела и изменила направление. Подошла, потерлась. Ее бока как раз выглядели неплохо. Шерстка стала гладкой и блестящей, глаза перестали гноиться. Вот к кому судьба была благосклонна. И это справедливо. Агата наклонилась и погладила подружку.

– Ничего, авось, скоро и я нагуляю жирку. Не век же мне мыкаться и на диете сидеть.

Она решительно закрыла шкаф.

– А давай-ка мы кашу пшенную сварим! От нее, говорят, в весе неплохо прибавляют.

Муся отбежала и уже из коридора посмотрела неодобрительно. Что за глупости приходят некоторым в голову? – вот что означал ее взгляд. Агата засмеялась. Смех получился не очень веселым, но все же получился.

Молока для пшенной каши оказалось маловато, зато хватило на пять больших блинов. Тоже неплохо.

– Давай устроим пир под названием «Плотоядное блаженство»! Хотя нет! Пусть будет «Блинное наслаждение»!

На даче

В декабре контора отмечала юбилей. Двадцать пять лет на рынке юридических услуг, по нынешним временам, солидно. Дата выпадала на середину недели, поэтому отмечать решили в пятницу в ресторане, а в среду просто хлопнуть по рюмашке после работы. Вообще-то Марк был против. Знал он эти «хлопки». Но

Борюсик канючил с понедельника, всех подговаривал, и в результате Марк дал себя уболтать. Но только минут на сорок! Все были согласны и разошлись после «хлопанья», как водится, к полуночи.

Мудрая Алла Петровна загодя предупредила Агату, что уборку придется перенести на утро четверга.

На утро, так на утро. В шесть Агата была на посту. Следы празднования впечатляли. Пустые бутылки и коробки из-под пиццы, тарелки с объедками, туфля с обломанным каблуком на столе, пролитый везде, где возможно и уж конечно везде, где нельзя, кофе и тому подобное. Апофеозом стал презерватив в туалете. Хорошо, что только один. Агата умаялась, пока приводила офис в божеский вид. Хорошо, что никто из сотрудников вовремя на работу не явился. Уборку удалось закончить лишь в начале одиннадцатого.

Агата уже оделась и как раз собралась уходить, когда в пустой еще офис вошла молодая женщина в светлой шубке. Она быстро прошла в кабинет директора, разговаривая на ходу по телефону, а через минуту вышла оттуда с портфелем.

– Да, нашла. Сейчас привезу, не волнуйся. Позвоню, как подъеду.

Женщина, не обращая на Агату внимания, прошла мимо, сделала несколько стремительных шагов и вдруг остановилась, словно натолкнувшись на какое-то препятствие. Она резко обернулась и посмотрела на Агату.

– Вы кто?

– Местная уборщица.

– Аа…

Женщина развернулась и ушла.

Агата тоже поспешила убраться восвояси, не желая попадаться никому на глаза лишний раз. В лифте она подумала, что взгляд у женщины был какой-то странный. А может, ей показалось? Скорее всего, странная тут только сама Агата.

Через минуту она забыла этот мимолетный эпизод.

Спустя неделю после достопамятного корпоратива Ниночка сказала Марку, что нужно нанять кого-нибудь убраться на даче. После смерти ее отца Генриха Исааковича никто из них туда не ездил, дача стояла забытая и одинокая. В самом деле пора навести там порядок, прибраться и в доме, и в саду, наконец раздать какие-то вещи, сжечь старье. Прежние работники уволились и разъехались по новым хозяевам.

– У тебя в офисе есть уборщица. Может, она согласится заработать? Например, ездить на выходные. Не знаешь, она одна живет?

– Понятия не имею. Позвони Алле.

– Нужен еще человек сад убрать. Займусь сегодня. Чего тянуть? Знаешь, Маркуша, я устала. И на душе тяжело. Ты все равно в командировку уезжаешь. Что скажешь, если я съезжу в Будапешт? На недельку хотя бы. Или на две. Похожу в Сеченьи. Погреюсь. Потом съезжу на Балатон. Попью водички, просто подышу. Позвоню девчонкам, может, найду себе попутчицу. Помнишь наш отель за оперным театром? Террасу с видом на базилику Святого Стефана? Конечно, поехать с тобой было бы лучше, но я понимаю, что не время.

Их первая совместная поездка была действительно прекрасной. Буда и Пешт, Геллерт, Рыбацкий бастион, дивной красоты здание парламента, Дунай. Много воздуха и света, прогулки целыми днями, а вечером – купальни Сеченьи и вино в номере отеля на террасе с видом на город.

Марк видел, что Ниночка выглядит усталой и напряженной. Он был готов бросить дела и помочь жене в чем угодно, но она сама приняла решение, поехать вместе не предложила, и он неожиданно понял, что ему тоже не мешало бы побыть одному. Наверное, усталость сказалась на них обоих. Будет лучше заняться работой, тем более, что новый проект уже требовал его личного участия.

Марк ожидал, что неделя будет бурной, но внезапно поездка в Калининград сорвалась из-за проблем у заказчиков. В пятницу дела закончились до обеда, но он еще пару часов смотрел документы.

В конце концов Марк осознал, что тупит. Чего ради сидеть и делать вид, будто что-то делаешь? Эх, куплю картуз и поеду за границу, вспомнил он фразу из любимого мультика про Емелю. Почти бегом он вышел из офиса, заехав домой, резво собрался и уехал на дачу.

Вторая половина декабря, а снега еще не бывало. Сырость и черные деревья. Погода как всегда промозглая, но морозами и не пахло – только прелой листвой. Марк вдыхал любимый с детства запах и вспоминал их с дедом молчаливые прогулки по старому лесу рядом с домом.

Дед вообще говорил мало, особенно если мог без этого обойтись. Зато Марк мог болтать всю дорогу обо всем на свете, бегать по лесу, а вернувшись, снова говорить. Дед слушал всегда очень внимательно, без тени улыбки, словно внук говорил в самом деле что-то умное и важное. Как же Марк любил эту его сосредоточенную молчаливость…

Иной раз, когда он чем-нибудь тешил деда, тот, размякнув, называл внука «друг ситный», и Марк знал, что сейчас можно просить у старика все, что душе угодно. В эти моменты удавалось уговорить Петра на рассказ о семье, о судьбах далеких, по мнению мальчика, предков.

Марк подошел к крыльцу и удивился, увидев освещенные окна. На секунду затормозил перед террасой и наконец вспомнил, что Ниночка, кажется, хотела нанять кого-то убрать в доме. Марк оглянулся, ища глазами садовника, или как там? Рабочего по саду? Сад был пуст, но в доме шуровали вовсю. Черт! Он тогда зачем приперся! Ревизором что ли? Ходить, выискивать косяки и пальчиком тыкать?

Потоптавшись на крыльце, он было решил убраться восвояси, но вместо этого решительно потянул ручку двери. В холле горел свет, но звуки доносились из соседней с ним кухни. Гремел телевизор или, может, плейер, выл пылесос и примешивался еще какой-то свист. В общем, Содом и Гоморра! Марк открыл рот, чтобы явственнее обозначить свое присутствие, но дверь неожиданно бахнула позади него, закрываясь. Все стихло мгновенно, только свист не прекратился, а, казалось, лишь усилился. Незваный хозяин решительно прошагал на кухню. В центре, как определил про себя Марк – «посередь двора», стояло существо и смотрело на него, выставив перед собой трубу пылесоса. На плите бешено свистел чайник. Марк молча подошел и выключил газ, избавив чайник от неминуемой гибели. А затем повернулся к странному существу, смотревшему на

него из-под надвинутой на лоб шапки.

– Здравствуйте, я хозяин дома.

Вышло в точности как «здравствуй, Маша, я Дубровский». Марк уже начал беситься навроде чайника, но существо неожиданно мягким грудным голосом сказало:

– Здравствуйте, Марк Андреевич. Я уборщица.

Марку кивнул, заметил, что чайник надо выключать, и пошел в спальню, обронив у порога, что приехал поработать, мешать не станет, будет у себя.

На том и расстались.

Вечер он провел в одиночестве и, слава богу, в тишине. Просидев за компьютером часа три, он наконец закончил ковыряться в документах и спустился вниз выпить коньяку. Чудной тетки нигде не было видно. Он открыл дверцу посудного шкафа и подвигал бутылки. Генрих Исаакович любил хороший коньяк и всегда держал в квартире и на даче несколько бутылок. Одни чуть початые, другие почти пустые. Марк вдруг понял, что пить ему совсем не хочется, поднялся наверх и просто лег спать.

Утро явно собиралось быть мудренее вечера. Марк проснулся рано, но чувствовал себя отдохнувшим. Он всегда хорошо спал в этом старом доме, который несмотря на многочисленные перестройки, расширения и углубления, продолжал упорно сохранять ауру классической профессорской дачи начала двадцатого века. Та часть, где был кабинет хозяина дома, любезно отданный под нужды зятя, к счастью, улучшениям не подвергалась. Большая квадратная комната с балконом, старой мебелью и огромным письменным столом очень нравилась Марку. Ниночка любила жить в новой каменной пристройке, где были высокие потолки, дизайнерская мебель и система «умный дом». Ей не нравился запах деревянного здания, она уверяла, что там воняет «старыми мокрыми мышами и продуктами их жизнедеятельности». Марк хохотал, но ночевал в кабинете, с его низкими потолками и стенами «в обойчиках».

Хотелось сыру и кофе. Марк натянул толстый свитер и как есть, в трусах и тапках спустился на кухню. Предвкушая дивный ранний завтрак, нашел в

холодильнике твердый сыр, откромсал от него порядочный кусок, положил на ломоть подсохшего бородинского хлеба и приготовился налить огроменную кружку растворимого кофе. Еще и сливок добавить побольше.

Сглотнув голодную слюну, Марк обернулся в поисках любимой, не факт, что вымытой с прошлого раза, кружки. В дверях торчала давешняя странноватая тетка и смотрела на него, натянув на рот воротник свитера.

После Агата рассказывала ему, какое неизгладимое впечатление произвел на нее его вид. Бабушка Фая называла семейные трусы «распашонками» за их необычайную ширину и просторность. Агата даже не предполагала, что такой мужчина, как Марк, носит деревенские труселя, да еще расхаживает в них по местам общего пользования. Она боялась заржать в голос, поэтому торопливо спрятала готовый засмеяться рот в воротник. Эпизодец был комический, но именно в этот момент ее страх перед Марком исчез. Глядя на растерянного начальника, Агата вдруг почувствовала спокойствие и даже непонятное умиротворение.

– Можно я ведро заберу?

Марк кивнул. Тетка сгребла тряпки, ведро, перчатки, бутылки со всякими моющими средствами и не торопясь удалилась. Ну, и как он мог забыть, что в доме посторонний человек? Стареет, что ли?

Поел Марк только после того, как надел джинсы, носки и причесался. И тут спохватился, что не поинтересовался, ела ли уборщица. Обнаружив ее в туалете оттирающей унитаз, он голосом наследного лорда предложил не стесняться и брать все, что найдет в холодильнике. Уборщица посмотрела на него, как ему показалось, надменно и ответила, что с его стороны это очень любезно.

Весь день тетка его раздражала. Она шуровала по всему дому, чистила, мыла, скребла и все это делала слишком громко. Причем больше всего бесило то, что делала она все руками, ползая на коленках. Проходя мимо, Марк небрежно заметил, что в доме полно всяких приспособлений для облегчения труда уборщиц. Странная женщина снова, как утром, посмотрела на него надменно и спокойно ответила, что непременно воспользуется «приспособлениями» в следующий раз, а сейчас придется мыть по старинке, на карачках, потому что дом очень запущен, грязи много и если не выгрести из всех углов, то результат

уборки будет сомнительным.

Полдня Марк работал, но выходило плохо. Мешали мысли о жене, ее непонятной замкнутости, даже отчуждении. Смерть отца заставила Ниночку измениться или что-то другое? Почему-то казалось, что дело не в уходе Генриха. Руфа рассказывала, что даже в подростковом возрасте Нина достойно пережила гибель матери, быстро оправилась, а ведь Мария была ей гораздо ближе отца. После похорон Генриха Нина первое время вела себя достаточно ровно. Съездила в Иерусалим, выполнила просьбу отца. И после поездки вдруг стала какой-то непривычно нервной. В чем дело? Их брак стабилен, кажется, они вполне довольны друг другом. Или не вполне? Он-то где мог накосячить? За три года после свадьбы они почти не ссорились. Мир, дружба, спокойствие – их девиз.

В конце концов стало ясно, что думалось плохо. Мыслишки были какими-то уж слишком примитивными, прямо скажем, убогими. Как-то не получался у него психоанализ. Тревога, впрочем, не проходила, но, решительно выбравшись из-за стола, Марк решил, что раз садовника жена нанять не смогла, то не грех самому встать к станку. В подарочной дедовой фуфайке и кирзовых сапогах, рассчитанных, как известно, на солидного потребителя, он до темноты обрезал кусты вдоль дорожки, сгребал листья и гнал от себя бессмысленные раздумья.

Уже вечером, сидя в одиночестве в кабинете, Марк вдруг вспомнил об уборщице и задал себе вопрос, почему эта особа кажется ему такой странной. Ощущался в ней какой-то когнитивный диссонанс.

Во-первых, что-то нелепое было в ее облике. То ли бесформенные одежки, то ли какой-то чудной куль на голове, прикрытый мужской шапкой, называемой в народе «чеченкой». Было трудно понять, сколько ей вообще лет. Но при этом держалась она нехарактерно для уборщицы. Разговаривала с ним странным тоном, будто наемный работник как раз Марк. Смотрела и того хуже, вроде с насмешкой. Марк вспомнил утреннюю сцену на кухне и неожиданно засмеялся. Громко, на весь дом. Черт, вот болван!

На том день и закончился.

Воскресенье выдалось еще холоднее. Знаменитое питерское низкое небо, казалось, совсем легло на голову. Марк ел, пил, работал то в саду, то за столом. В принципе, отдохнуть получалось. Уборка в доме тоже продолжалась полным ходом. Все в том же стиле, с шумом и скрежетом. Хорошо хоть музыка больше не гремела. И на том спасибо.

После трех, когда только начало темнеть, в доме воцарилась, наконец, тишина. Марк решил, что уборщица удалилась восвояси. Так сказать, по-английски. Не прощаясь. Теперь можно поплавать в бассейне, а потом решить, ехать в город вечером или завтра с утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dorosh_elena/brosh-s-chernym-opalom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити